

18+

Нестерова
Анна

ЧУЖАЯ В СЕМЬЕ
или *двадцать лет лжи*

Алла Нестерова

Чужая в семье или двадцать лет лжи.

<https://litres.ru/74181312>

SelfPub; 2026

Аннотация

Голос Никиты доносился из гостиной - взволнованный, обеспокоенный. Я не слышала слов, но интонации были красноречивыми.

Через несколько минут он вернулся. Лицо у него было растерянным.

- Люда, - начал он, - тут такое дело...
- Что ещё? - устало спросила я.
- Анна сказала... она... она беременна.

Я почувствовала, как земля уходит из-под ног. Беременна. Его любовница беременна.

- Поздравляю, - сказала я хрипло. - Теперь у тебя будет ребёнок от женщины, которую ты любишь.

- Люда, в общем...

Никита нервно провёл рукой по волосам.

- Слушай, тут ещё одна проблема. Анна сказала хозяйке квартиры о своей беременности, а та, сказала ей, что жилищка с

ребёнком ей не нужна и выгнала её. Анне некуда идти. Она сейчас едет сюда с вещами.

Я смотрела на него и не верила своим ушам.

- Что ты сказал?

- Анна приезжает сюда и будет жить здесь, на моей территории.

Временно, пока я не найду для неё другое жильё...

Алла Нестерова

Чужая в семье или двадцать лет лжи.

ГЛАВА 1.

Утро пятницы. Я готовила завтрак, пока Никита принимал душ. Наконец он появился в дверях кухни с полотенцем на бёдрах.

Никита, подойдя ко мне, поцеловал меня в щёку и сказал:

– Доброе утро, милая! Омлет.

– Да, немного проспала сегодня, поэтому завтрак на скорую руку. Садись, ешь, а то остынет.

Никита сел за стол и начал быстро есть. Я налила нам кофе и присела за стол напротив мужа; он ел, не глядя в тарелку и что-то читал в телефоне. Не выдержав, я сказала:

– Вилку мимо рта не пронеси. – Он что-то буркнул в ответ, но взгляд от телефона не отвёл. – Никита, ты во сколько сегодня домой приедешь? Думаю, что на дачу к твоей матери лучше выехать сегодня вечером, а не завтра с утра, как мы изначально планировали. Выспимся нормально, я с утра помогу ей с салатами, накрою стол. На твою сестру надежды нет, она не любитель готовить, да и вообще может опоздать к празднику.

– Я никуда не еду, – ответил муж. – Ты поедешь одна, хо-

чешь – сегодня выезжай, хочешь завтра с утра. У меня срочная командировка в Питер, на неделю. А Лизку не трогай, она натура творческая, ей не до салатов.

Кофе остывал в моей чашке, а я смотрела на Никиту и не могла поверить в то, что только что услышала.

– Подожди. Повтори, – я отложила тост и уставилась на него. – Ты сейчас серьёзно? Он даже не поднял глаз от телефона. Просто продолжал листать ленту, будто не сказал ничего особенного.

– Люд, ну что тут такого? Командировка. Питер. Неделя. Вернусь в следующую пятницу. Я почувствовала, как щёки начинают гореть от злости.

– Никита. Завтра суббота. День рождения твоей матери. Семьдесят лет, если ты вдруг забыл. Какая командировка? Почему я узнаю об этом только сейчас?

Он наконец оторвался от экрана и посмотрел на меня.

– Ну да, командировка. Я сам узнал о том, что еду, только вчера вечером. Когда вернулся домой, ты уже спала, не стал будить тебя. Вылет сегодня, в двенадцать дня, успею собраться. Съездишь одна к моей матери, ничего страшного не случится. Она поймёт.

– Она поймёт?! – я услышала, как мой голос сорвался. – Ты издеваешься? Ты хочешь, чтобы я пошла туда одна?! Да твоя мать мне всю плешь проест. Как так получилось, что её сынок не присутствует на юбилее, что я худшая жена, вынудила мальчика, тебя, сбежать из дома в Питер, что со мной

невыносимо жить, что ты просто вынужден пропустить её праздник. У неё всегда я во всём виновата. Позвони на работу и скажи, что в Питер приедешь в понедельник. Что это вообще за командировка такая в конце недели. Что там делать в выходные?

– Люда, я главный конструктор в проектном бюро. У нас есть сроки сдачи проектов, и там нет выходных. Прежде, чем сдать проект и поставить свою подпись на проектной документации, я должен поехать туда и проверить, что все конструкции сделаны без отклонений и соответствуют моим расчётам.

– Как тогда получилось, что ты не знал о командировке? Если ты мне тут про сроки говоришь. Ты специально тянул до последнего, ничего мне не говорил, ты прекрасно знал, что не сможешь поехать на день рождения своей матери. За что ты так со мной?

– Люда, ты взрослый человек, хватит враждовать с моей мамой. Мы с тобой женаты уже двадцать лет...

– Никита! – я ударила ладонью по столу. Ложка жалобно звякнула о блюде. – Твоя мать меня ненавидит! Она... Господи, она при каждой встрече говорит мне, что я не умею готовить! Что я слишком худая, что у меня скверный характер, что мы женаты много лет, что даже наша дочь сбежала из дома к ней, не выдержав меня! Хотя Вика переехала к ней, потому что твоя мать её об этом очень просила. Видите ли, ей скучно одной в четырёхкомнатной квартире.

Он вздохнул. Этот его вздох – такой усталый, такой снисходительный – я знала его много лет. Он словно говорил: «Ну вот, опять началось».

– Мама тебя не ненавидит. Ты преувеличиваешь.

Меня затрясло. Реально затрясло – руки, губы, всё.

– Преувеличиваю? Никита, на нашей свадьбе она сказала гостям – при мне! – что надеется, я окажусь умнее, чем выгляжу. На свадьбе! А когда я испекла ей пирог в первый год нашей совместной жизни, помнишь, что она сделала? Отдала его соседской собаке. При мне.

– У неё сахарный диабет, Люда.

– У неё нет никакого диабета! – я почти кричала. – Она в этот же день, при мне, ела торт! Три больших куса слопала! А мой пирог просто отдала собаке!

Никита положил телефон и потёр переносицу.

– Хорошо. Хорошо. Я понимаю, у вас сложные отношения. Но это работа, Люд. Я не могу не поехать. Завтра на объекте встреча с заказчиком, застройщиком и экспертами.

Он снова взял телефон, затем оторвавшись от экрана, посмотрел на меня и сказал:

– Я правда не могу перенести поездку.

Я смотрела на него – на этого человека, за которого вышла замуж двадцать лет назад несмотря на то, что мои родители были категорически против этого брака, они невзлюбили Никиту с первого взгляда, впрочем, как и его мать меня. Но несмотря ни на что мы были счастливы, по крайней

мере, мне так всегда казалось. И вот! Командировка! Ещё и юбилей его матери.

– А я? – голос дрожал от злости. – Я обязательно должна поехать к твоей матери? Я ей позвоню и скажу, что не приеду.

– Люда, не начинай.

– Что – не начинай?! Никита, я не хочу идти к твоей матери одна! Она будет весь вечер рассказывать родственникам, какая я неудачница, что за двадцать лет так и осталась простой училкой по математике. Она будет спрашивать, где мой муж, и качать головой с таким видом, будто ты от меня сбежал. А я буду сидеть там и улыбаться, потому что это твоя мать, и я должна...

Голос стал хриплым.

Тишина.

Потом – звук отодвигаемого стула.

– Мне пора собираться, – сказал Никита. – И только попробуй не поехать к маме на юбилей. Она смертельно обидится, если никого из нас не будет на празднике.

Я смотрела, как он встаёт из-за стола, и что-то внутри меня щёлкнуло. Как переключатель.

– Нет.

Никита остановился в дверях.

– Что – нет?

– Нет, я не поеду. – Я сама удивилась тому, как спокойно прозвучал мой голос. – Ты не едешь – я тоже не еду.

Он развернулся. На его лице было выражение, которое я видела сотни раз: смесь раздражения и снисходительного терпения, как у взрослого, объясняющего ребёнку очевидные вещи.

– Люда, хватит капризничать. Это несерьёзно.

– Несерьёзно? – Я встала, упёрлась руками в край стола. – Знаешь, что несерьёзно? Двадцать лет я езжу к твоей матери. Двадцать лет выслушиваю, какая я никчёмная. Двадцать лет улыбаюсь и киваю, пока она унижает меня при друзьях и родственниках. И всё это время ты стоишь рядом и молчишь. Молчишь, Никита!

– Я не молчу. Я просто не вижу смысла раздувать из мухи слона.

– Из мухи?! – Я рассмеялась. Нервно, зло. – Твоя мать на прошлый Новый год сказала при всех, что вот Танечка была бы тебе лучшей женой и уж точно родила бы тебе много детей. А я, эгоистка, которая родила дочь только потому, что хотела тебя посильнее к себе привязать и женила тебя на пузе. Ты же прекрасно знаешь, что это неправда, два раза после рождения Вики я беременела и оба раза были выкидыши. Мы оба решили больше не пробовать родить второго ребёнка. Зная всё это, ты просто сидел и молчал.

– Ну а что я должен был сделать? Устроить скандал за праздничным столом?

– Да! Хотя бы раз в жизни – да! Сказать ей: мама, прекрати. Просто – прекрати гнобить мою жену. Но ты никогда

этого не делал. Никогда, за все двадцать лет.

Он шагнул ко мне, и я увидела, как напряглась его челюсть.

– Люда, она моя мать. Ей семьдесят лет. Я не буду с ней ругаться.

– А со мной, значит, можно?

– Я с тобой не ругаюсь. Я прошу тебя сделать одну простую вещь – съездить на день рождения. Всё.

– Простую? – Я почувствовала, как в горле встаёт ком. – Для тебя это просто, потому что тебя там не будет. Ты будешь в Питере, в гостинице, пить кофе и смотреть чертежи. А я буду сидеть за столом с твоей сестрой, которая смотрит на меня как на пустое место, с твоими тётками, которые шепчутся за моей спиной, и с твоей матерью, которая...

Голос сорвался. Я замолчала, сглотнула.

Никита вздохнул. Опять этот вздох.

– Люд, ну что ты как маленькая? Ну, посидишь пару часов, поздравишь, уедешь. Никто тебя там держать не будет.

– Я не поеду.

– Поедешь.

– Нет.

Он подошёл ближе. Совсем близко. Я видела каждую морщинку у его глаз, седину на висках.

– Людмила, – он редко называл меня полным именем, – я тебя очень прошу, прекрати истерику. Хорошо. Если ты не хочешь ехать, то сиди дома, только будь готова к тому, что

ваши отношения с моей мамой станут ещё хуже. Выбор за тобой.

Мы стояли друг напротив друга, и между нами было что-то... что-то новое. Или очень старое, просто я раньше не хотела это видеть.

– Я опоздаю на самолёт, – сказал он наконец.

– Надеюсь, ты примешь правильное решение.

– Я сказала – не поеду. Звони своей матери сам и объясняй, почему нас там не будет.

Он открыл рот, закрыл. Потом покачал головой – медленно, с таким видом, будто я его разочаровала.

– Я думал, ты умнее.

И вышел из кухни.

Я стояла одна, слушая, как он ходит по спальне, как открывает шкаф, как закрывает его.

ГЛАВА 2.

Спустя полчаса хлопнула входная дверь. Никита ушёл, не попрощавшись.

Я стояла посреди кухни, всё ещё сжимая в руках остывшую чашку с кофе. Не верила. Просто не верила, что он вот так взял и ушёл. Без «пока», без «созвонимся», без... ничего.

Я подошла к окну и отодвинула штору. Никита стоял у жёлтого такси, в одной руке сумка, а в другой телефон, который он прижимал к уху. Он улыбался. Улыбался! Что-то говорил, кивал, даже рассмеялся. Интересно, с кем это он

так весело болтает, пока я тут...

Такси тронулось. Я смотрела, как оно сворачивает за угол, и чувствовала себя совершенно опустошённой.

Следующий час я провела как в тумане. Убрала со стола нетронутый завтрак, вымыла посуду, протёрла плиту – всё на автомате, не думая. Мысли метались, как испуганные птицы: злость, обида, снова злость, потом что-то похожее на вину, и опять злость – уже на себя, за эту дурацкую истерику.

Телефон зазвонил так резко, что я вздрогнула и чуть не выронила губку.

Экран светился именем: «Лиза».

Сестра Никиты. Конечно. Конечно, она уже знает. Никита позвонил мамочке, мамочка позвонила Лизочке, и теперь Лизочка звонит мне – исполнять свой сестринский долг.

Палец завис над красной кнопкой. Не отвечать. Просто не отвечать. Пусть думают что хотят.

Телефон продолжал звонить.

Я глубоко вздохнула и нажала зелёную кнопку.

– Алло.

– Люда! – голос Лизы был таким пронзительным, что я отодвинула телефон от уха. – Звонил Никита, сказал, что тебя не будет завтра. Почему?

– Здравствуй, Лиза. Я тоже рада тебя слышать.

– Не надо мне тут этого твоего сарказма! Почему ты не хочешь приехать?

Я прислонилась к стене и закрыла глаза.

– Я не хочу ехать одна, без Никиты. Что мне там делать?

– Ты отказываешься приехать на её юбилей! Семьдесят лет, Люда! Это не просто день рождения, это юбилей! А ты... ты...

– Лиза, – я старалась говорить спокойно, хотя внутри всё клокотало, – твой брат тоже не едет. Почему-то об этом никто не плачет.

– У Никиты командировка! Работа! Он не может!

– А я, значит, могу? Могу приехать одна и весь вечер выслушивать от твоей матери, какая я никчёмная?

– Господи, Люда, опять ты со своими фантазиями! Мама тебя обожает! Она всегда говорит, какая ты...

– Какая я – что? – я не выдержала и повысила голос. – Какая я худая? Какая я эгоистка? Какая я плохая жена, раз мой муж сбегает от меня в командировки?

– Ты передёргиваешь!

– Я передёргиваю?! Лиза, твоя мать на прошлый Новый год при всех сказала, что Танечка была бы Никите лучшей женой! При всех! А я сидела и улыбалась, как идиотка!

– Мама просто... она иногда говорит, не подумав. Она не имела в виду ничего плохого! Я рассмеялась – горько, зло.

– Не имела в виду? Лиза, она двадцать лет имеет в виду! Каждый праздник, каждую встречу! А вы все сидите и делаете вид, что ничего не происходит!

– Потому что ничего и не происходит! Это ты всё выдумываешь! У тебя просто... просто комплексы какие-то!

– Комплексы? – я почувствовала, как начинают гореть щёки. – Знаешь, что, Лиза? Поезжай сегодня вечером к матери сама. Помоги ей с салатами, с утра накрыть стол. А я, так и быть, останусь дома со своими комплексами.

– Я не могу приехать сегодня! У меня репетиция до поздней ночи! Я приеду завтра ближе к обеду.

– О, ну конечно. Репетиция. Творческая натура. Никита мне уже объяснил, что тебе не до салатов.

– А что – мне бросить работу ради салатов?!

– Нет, Лиза, ради матери.

Повисла пауза. Я слышала, как Лиза тяжело дышит в трубку.

– Люда, – её голос стал тише, но от этого не менее ядовитым, – я всегда знала, что ты завидуешь. Мне, маме, нашей семье. Ты всегда была... чужой. Никита женился на тебе, потому что ты залетела, все это знают. И вместо того, чтобы быть благодарной, что тебя приняли в семью, ты...

– Стоп, – я перебила её, и сама удивилась тому, как ледяным стал мой голос. – Остановись прямо сейчас.

– Что, правда глаза колет?

– Правда? Хочешь правду, Лиза? Вот тебе правда. Мне сорок два года. Двадцать из них я терпела унижения от твоей матери. Двадцать лет я готовила салаты, мыла посуду, улыбалась и молчала. И знаешь что? Хватит. Я больше не приеду. Ни завтра, ни на Новый год, ни на Пасху. Никогда.

– Люда, – голос золовки стал слаще мёда. – Ты, конечно,

можешь не приезжать. Дело твоё. Но сразу скажу, ни мать, ни Никита, тебе этого не простят. Советую успокоиться, подумать и принять правильное решение. Люда, ты разрушаешь семью! Ты это понимаешь?! Мама будет...

– Твоя мама переживёт. У неё есть ты, есть Вика, есть подруги, сёстры и соседки. Она прекрасно проведёт свой юбилей без меня. Даже лучше – ей не придётся весь вечер притворяться, что она рада меня видеть.

– Люда!

– До свидания, Лиза.

Я нажала отбой и швырнула телефон на диван. Руки тряслись. Сердце колотилось где-то в горле. Но вместе со злостью я чувствовала что-то ещё – странное, незнакомое. Лёгкость? Облегчение?

Телефон снова зазвонил. Светлана Юрьевна. Свекровь.

Я смотрела на мигающий экран и не двигалась. Ответить? Решила поговорить, лучше решить всё разом, нажала на зелёную кнопку:

– Добрый день, Светлана Юрьевна!

– Люда, звонил Никита. Сказал, что он не сможет приехать. А ты? Тебя ждать?

– Я тоже не смогу приехать.

Повисла пауза. Такая тяжёлая, что я почти физически ощутила её вес.

– Не поняла, – голос свекрови стал ледяным. – Повтори, пожалуйста. Мне показалось, я ослышалась.

– Вы не ослышались, Светлана Юрьевна. Я не смогу приехать завтра.

– Не сможешь или не хочешь?

Я сглотнула. Врать не было сил.

– Не хочу. Не хочу приезжать одна.

– Ясно, – она произнесла это слово так, будто ставила диагноз. – То есть мой сын работает, обеспечивает семью, а ты решила мне отомстить за это? Испортить мне праздник?

– Светлана Юрьевна, я никому не мщу. Просто...

– Просто что? – она не дала мне договорить. – Просто ты эгоистка, Люда. Всегда была эгоисткой. Двадцать лет я смотрю на это и молчу, но сейчас... Мне семьдесят лет. Семьдесят! Это может быть мой последний юбилей, ты об этом подумала?

Я почувствовала укол вины. Проклятый укол вины, который она так мастерски сумела вызывать.

– Светлана Юрьевна, не нужно так драматизировать. Вы прекрасно себя чувствуете, дай бог каждому, ещё нас переживёте.

– Откуда тебе знать, как я себя чувствую? Ты хоть раз поинтересовалась моим здоровьем? Хоть раз позвонила просто так, узнать, как я?

– Я...

– Ты – нет. Никогда. За двадцать лет – ни разу. А я, между прочим, мать твоего мужа. Того самого, который тебя кормит и одевает. И внучка со мной живёт, пока вы там в своей

квартире...

– Вы сами уговаривали Вику к вам переехать, – вставила я, хотя знала, что это бесполезно.

– Конечно уговорила! Потому что ты дома создала невыносимую атмосферу! Ребёнок не захотел жить с родной матерью, ты сделала её жизнь невыносимой, и ты ещё спрашиваешь – почему?

Я закрыла глаза. Вот оно. Начинается.

– Светлана Юрьевна, мы обе знаем, что это вы попросили Вику переехать, потому что вам стало скучно.

– Я?! – в её голосе было столько возмущения, что я почти поверила. – Я просила? Да я просто предложила! А она согласилась с радостью! С радостью Люда! Как ты думаешь, почему?

Я молчала. Спорить было бесполезно.

– Молчишь? Правильно. Потому что сказать тебе нечего. – Она вздохнула, и я услышала в этом вздохе отработанную годами усталость мученицы. – Ладно. Я не буду тебя уговаривать. Не хочешь приезжать – не приезжай. Сиди дома. Только потом не удивляйся, когда Никита...

– Что Никита?

– Ничего, – она сделала паузу. – Просто... мужчины не любят, когда жена настраивает их против матери. Вот и всё, что я хотела сказать. Я сжала телефон так, что побелели костяшки пальцев.

– Я никого против не настраиваю.

– Конечно нет. Ты просто отказываешься приехать на юбилей его матери. Это совсем другое, да?

Снова молчание.

– Люда, – её голос вдруг стал мягче, в нём слышались почти просительные интонации. – Послушай меня. Я понимаю, что иногда говорю лишнее, но такой уж у меня характер. Двадцать лет назад мой сын выбрал тебя. С трудом, но я приняла его выбор. Приезжай завтра, помоги мне с готовкой. Хотя бы на пару часов. Заодно с дочерью увидишься.

Вика. Она знала, куда бить.

– Люда, – продолжала свекровь, почувствовав мои колебания, – не будь такой упрямой. Ну что тебе стоит? Приедешь утром, поможешь накрыть на стол, посидишь с нами немного. Увидишь дочку. Нам вдвоём не справиться, очень нужна твоя помощь.

Я продолжала молчать.

– Приезжай к десяти, – уже деловым тоном сказала свекровь. – Поможешь мне с горячим. Лиза обещала быть к часу, но ты же её знаешь – опоздает минимум на два часа.

– Светлана Юрьевна...

– Что?

Я смотрела в окно на голубое июльское небо и чувствовала, как вся моя решимость утекает, словно вода в сливное отверстие. Хотела сказать «нет». Хотела сказать, что не приеду, что хватит меня использовать, что я больше не намерена терпеть. Но вместо этого услышала свой собственный голос:

– Хорошо, – сказала я наконец. – Я приеду завтра утром, первой электричкой.

– Вот и умница, – в голосе свекрови послышалось торжество. – Первая электричка приезжает в семь тридцать. И на день что-нибудь приличное, у меня будут гости. До завтра.

Она повесила трубку, не дожидаясь ответа.

Я сидела с телефоном в руках и не могла поверить в то, что только что произошло. Полчаса назад я была готова порвать со всеми. А теперь – еду на юбилей. Одна. Без Никиты. Готовить салаты и терпеть унижения. Как она это делает? Как ей каждый раз удаётся меня переубедить?

ГЛАВА 3.

Будильник прозвенел в пять утра. Я открыла глаза и несколько секунд лежала неподвижно, глядя в потолок. Может, заболеть? Температура, кашель, что угодно. Нет. Я уже пообещала. А я всегда держу слово, даже если жалею о том, что его дала.

Встала, приняла душ, выпила кофе, стоя у окна. Квартира казалась непривычно тихой без Никиты. Обычно в это время он уже гремел посудой на кухне, включал новости, ронял что-нибудь в ванной. А сейчас – тишина. Он, наверное, ещё спит в своём питерском отеле. Или уже завтракает. Или...

Я тряхнула головой, отгоняя ненужные мысли. К шести я была готова. Светлое льняное платье – достаточно приличное для свекрови, достаточно простое, чтобы в нём можно было готовить. Волосы собрала в аккуратный пучок. Мини-

мум косметики – всё равно от жары потечёт.

Подарок лежал на тумбочке в прихожей. Кашемировый палантин нежно-сиреневого цвета. Я выбирала его две недели назад, ещё когда думала, что мы поедем вместе с Никитой. Он стоил половину моей зарплаты, но я хотела... сама не знаю, чего я хотела. Может, что Светлана Юрьевна хоть раз посмотрит на меня без этого своего снисходительного прищура.

Глупо. Двадцать лет, а я всё ещё на что-то надеюсь.

Электричка была полупустой, всем кому надо, уехали ещё вчера. Суббота, раннее утро – все нормальные люди ещё спят. А я еду к свекрови резать салаты. В окне мелькали дачные посёлки, заборы, яблоневые сады. Солнце уже припекало, обещая жаркий день.

В половине восьмого я вышла на станции и двадцать минут шла пешком по пыльной дороге. Дача Светланы Юрьевны стояла на краю посёлка – добротный двухэтажный дом за высоким забором. Отец Никиты построил его ещё до нашей свадьбы. Теперь отца уже нет, а дом стоит – крепкий, ухоженный, с резными наличниками и флюгером в виде петуха.

Я толкнула калитку.

– Мам!

Вика выскочила на крыльцо, и у меня перехватило дыхание. Господи, как же я по ней соскучилась.

– Привет, солнышко. Как ты? У тебя всё хорошо?

Я обняла её, вдыхая знакомый запах, и крепко расцелова-

ла.

– Всё нормально, мам, через три дня едем с девочками на море, – Вика отстранилась и посмотрела на меня. – Бабушка сказала, что ты не хотела ехать.

– Бабушка много чего говорит.

– Мам...

– Всё нормально, Вик. Я здесь. Давай не будем об этом. Была минутная слабость.

Вика кивнула, но я видела, что она хочет что-то сказать. Не сейчас. Потом.

– Пойдём в дом, я как раз оливье делаю. Ты умеешь так резать картошку ровными кубиками, а у меня не получается.

– Сейчас всё нарежем.

Мы вошли в дом. На кухне пахло жареным мясом и укропом. Светлана Юрьевна стояла у плиты в цветастом фартуке, помешивая что-то в большой сковороде.

– Людмила, – она обернулась и смерила меня взглядом с головы до ног. – Переодевайся, фартуки в шкафу. Нужно ещё селёдку под шубой сделать, винегрет, мясо по-французски, пирог с капустой...

– Здравствуйте, Светлана Юрьевна. С днём рождения!

Я протянула ей свёрток с палантином. Она приняла его без особого интереса, отложила в сторону, даже не развернув.

– Потом посмотрю. Сейчас некогда, гости соберутся к двум часам.

– Бабушка, мама тебе подарок привезла, – вмешалась Вика. – Может, всё же посмотришь?

Светлана Юрьевна нехотя развернула обёртку, достала палантин, потрогала ткань.

– Кашемир?

– Да.

– Хм. Симпатично. Только я сиреневое не ношу, мне больше идут тёплые тона. Но спасибо, Люда, спасибо. Может, Лизе отдам, ей понравится.

Вика бросила на меня сочувствующий взгляд. Я выдавила улыбку.

– Как скажете. Так, где фартуки?

Следующие три часа мы провели на кухне. Я резала овощи, Вика накладывала слои в салаты, Светлана Юрьевна командовала и периодически пробовала всё на вкус.

– Люда, картошку мельче. Вика, майонеза больше. Люда, свёклу на мелкой тёрке, я же сказала! Вика, солнышко, принеси бабушке воды, что-то голова закружилась.

Вика метнулась за водой. Мы остались вдвоём.

– Никита уже с утра звонил. Поздравил с днём рождения! Тебе звонил?

– Нет ещё.

– Понятно. Занят, наверное. Работа.

– Мам, – Вика вернулась с водой. – Почему папа не смог перенести командировку? Я так хотела его увидеть.

– Солнышко, у папы ответственная работа, – ответила

Светлана Юрьевна раньше, чем я успела открыть рот. – Он работает, чтобы вас обеспечивать. Это важно. Мужчина должен работать, а женщина...

– ...должна резать салаты? – вырвалось у меня.

Светлана Юрьевна посмотрела на меня холодно.

– Женщина должна поддерживать семью. Создавать уют.

А не язвить.

Вика переводила взгляд с меня на бабушку и обратно.

– Может, хватит? – тихо сказала она. – Сегодня праздник.

– Конечно, хватит, – Светлана Юрьевна мгновенно переключилась на ласковый тон. – Викуля права. Праздник. Давайте заканчивать с готовкой, скоро гости придут. Люда, ты стол накроешь?

– Да, Светлана Юрьевна.

В двенадцать приехала Лиза, чмокнув мать в щёку, вручила ей какой-то свёрток, сказала, что устала и хочет отдохнуть до прихода гостей.

Мы же продолжали заниматься готовкой. К двум часам стол ломился от закусок. Селёдка под шубой, оливье, винегрет, мясо по-французски, пирог с капустой, нарезки, соленья – всё было разложено на белой скатерти с кружевными салфетками. Я устала так, будто разгружала вагоны.

Первыми приехали сёстры Светланы Юрьевны – Галина и Тамара, обе громкие, обе в ярких платьях. За ними потянулись соседи, подруги, какие-то дальние родственники, которых я видела раз в году и никогда не могла запомнить по

именам.

– А где Никита? – спросила Галина, едва переступив порог.

Вот оно. Началось.

– В командировке, – ответила я.

– В командировке? В субботу?

– Работа.

– Бедная Светочка, – Галина повернулась к сестре. – В такой день, а сына нет.

– Ничего, – Светлана Юрьевна величественно приняла букет цветов. – Работу никто не отменял.

Гости продолжали прибывать. Я курсировала между кухней и столом, подносила закуски, убирала пустые тарелки, улыбалась и кивала. Всё как обычно.

Около трёх часов калитка снова хлопнула. Я выглянула в окно и увидела двух женщин – одну постарше, в элегантном бежевом костюме, другую помоложе, в обтягивающем красном платье. Маргарита Павловна, давняя подруга свекрови. И её дочь...

Я замерла.

Таня. Та самая Таня.

Светлана Юрьевна уже спешила к ним навстречу, раскинув руки.

– Риточка! Танечка! Как я рада вас видеть!

Они обнялись, расцеловались. Таня что-то говорила, смеялась, поправляла идеальные локоны. Я смотрела на неё и

чувствовала, как внутри всё сжимается от ревности. Двадцать лет прошло, а она всё такая же – уверенная, красивая, ухоженная. Ни морщинки, ни лишнего килограмма.

– Людочка! – Маргарита Павловна заметила меня в дверях. – Как ты похудела, дорогая. Совсем себя не бережёшь.

– Здравствуйте, Маргарита Павловна. Здравствуй, Таня. Таня улыбнулась – одними губами, глаза остались холодными.

– Привет, Люда. Сколько лет, сколько зим.

– Да уж. Давно не виделись.

– Никиты нет? – спросила Маргарита Павловна, оглядываясь.

– В командировке, – ответила я.

– В командировке ли? – Таня подняла идеально выщипанную бровь.

Что-то в её голосе заставило меня насторожиться. Какая-то... усмешка? Знание чего-то, чего не знаю я?

– Работа, – коротко ответила я.

ГЛАВА 4.

Следующий час я старалась держаться от них подальше. Но Таня словно специально оказывалась рядом – то у стола с закусками, то около туалета, то на веранде, куда я вышла подышать воздухом.

– Люда, – она появилась за моей спиной так неожиданно, что я вздрогнула. – Можно тебя на минутку?

– Что такое?

– Выйдем? – она кивнула в сторону сада. – Разговор есть.

Я хотела отказаться. Хотела сказать, что мне некогда, что нужно помочь на кухне, что угодно. Но что-то в её взгляде...

Мы отошли к старой яблоне в конце участка.

– Слушай, – Таня достала из сумочки пачку сигарет, закурила. – Я, наверное, не должна тебе этого говорить. Но...

– Что?

Она затаилась, выпустила дым.

– Мы с Никитой друзья и продолжали общаться все эти годы? До вашей свадьбы, пока вы встречались и после тоже. Близко общаться!

У меня похолодело внутри.

– Ты врёшь! Никита мне верен.

Таня посмотрела на меня, во взгляде, что-то похожее на жалость. Или на торжество? Я не могла разобрать.

– Мне тебя чисто по-человечески жалко. Ты выглядишь полной идиоткой. Свекровь тебя шпыняет, терпеть не может. Ты у неё вместо прислуги, принеси-подай... Не надоело терпеть унижения длиною в двадцать лет?

– К чему ты завела этот разговор, Таня?

Таня снова затаилась. Помолчала. Потом сказала:

– Люда, Никита не улетел в Питер. У него нет командировки. Он сейчас в Анталии, отдыхает с другой женщиной. Молодая. Они... – она сделала паузу. – Он присылал мне фото и видео, как он вчера проводил время на пляже. Могу показать. Хочешь?

Мир вокруг стал каким-то ненастоящим. Звуки доносились как сквозь вату – смех гостей, музыка из дома, чьи-то голоса.

– Покажи, – услышала я свой собственный голос.

Таня вздохнула, достала телефон, полистала галерею, включила видео. Протянула мне.

На экране был Никита. Мой муж. Он на пляже, обнимает какую-то девушку – молодая, лет тридцать, не больше. Светлые волосы, яркая помада. Они смеялись, и его рука лежала у неё на талии – так привычно, так по-хозяйски.

– Кто это? – голос не слушался. – Ты её знаешь?

– Знаю. Работает с ним в одном отделе. Зовут Анна, не замужем, детей нет.

Я смотрела видео снова и снова и не могла пошевелиться. Командировка. Питер. Работа. Заказчик. Проект.

– Давно у них роман?

– Наверное, чуть меньше года. Он когда начал с ней встречаться, сказал мне, что наши отношения остаются только дружескими, что он влюбился и подумывает о разводе с тобой. Всё это время он врал. Смотрел мне в глаза и врал.

– Почему ты мне это рассказываешь? – спросила я, возвращая телефон. – Потому что получила отставку? Сама надеялась выйти замуж за него?

Таня пожала плечами.

– И это тоже. Просто...—она снова затянулась. – Я надеялась, что он, поразвлекается с ней и обратно ко мне придёт.

Думала, что в конце концов он меня оценит, разведётся с тобой и женится на мне. Но буквально неделю назад он сказал, что скоро разведётся с тобой, чтобы женится на Анне, и я поняла, что мне ничего не светит, поэтому решила открыть тебе глаза.

– Значит, ты просто решила ему отомстить?

– А в чём здесь месть? Захотела, чтобы ты была в курсе, когда Никита вернётся и заявит о желании развестись, и чтобы для тебя это не было бы неожиданностью. Можешь мне не верить, но сказала я тебе всё это только из благородных побуждений и женской солидарности.

Я почувствовала, как земля уходит из-под ног.

– Светлана Юрьевна знает?

– Нет. Точнее, про Анну и Турцию, не знает. Он ей сказал то же, что и тебе – поехал в Питер в командировку. Но она вроде как считает, что... – Таня замялась. – Что у нас с Никитой что-то может получиться. Она уверена, что тебе пора освободить место рядом с ним. Что ты... засиделась.

Засиделась. Двадцать лет. Засиделась.

– Мне надо идти, – сказала я. – Скинь мне фото и видео, пожалуйста.

– Люда, подожди...

Но я уже шла к дому. Не чувствуя ног, не чувствуя ничего, только пустота. Раздался звук в телефоне, посмотрела на экран: от Тани, видео и фото.

Я вернулась в дом на негнувшихся ногах. Гости уже сидели

за столом, звенели рюмки, кто-то произносил тост. Светлана Юрьевна восседала во главе стола, раскрасневшаяся от выпитого и внимания.

Я села на своё место – с краю, рядом с Викой. Дочь бросила на меня встревоженный взгляд.

– Мам, ты в порядке? Бледная какая-то.

– Всё нормально, – я попыталась улыбнуться. – Просто устала.

Передо мной стояла тарелка с салатом. Я взяла вилку, поднесла ко рту. Кусок не лез в горло. Я жевала и не чувствовала вкуса, глотала и не понимала, что ем.

Командировка. Питер. Работа.

Анталия. Пляж. Молодая женщина.

– ...и я хочу поднять этот бокал за моего сына! – голос Светланы Юрьевны прорезался сквозь туман в моей голове. Она встала, покачиваясь, держа в руке рюмку с коньяком. – За Никитушку! Который работает день и ночь, чтобы обеспечить семью!

Гости одобрительно загудели.

– Жаль, конечно, что его сегодня нет, – продолжала све-кровь, и я видела, в её глазах лихорадочный блеск от выпитого. – Но что поделать! Мужчина должен работать! Не то что некоторые...

Она бросила на меня выразительный взгляд.

– Некоторые сидят на шее у мужа и даже спасибо не говорят.

Вика дёрнулась рядом со мной.

– Бабушка...

– Что бабушка? – Светлана Юрьевна махнула рукой. – Я правду говорю! Двадцать лет смотрю на это и молчу! Никита пашет как проклятый, а эта... – она ткнула пальцем в мою сторону, – эта даже на юбилей не хотела приехать! Пришлось уговаривать! Унижаться!

– Светлана Юрьевна, – я почувствовала, как голос дрожит, – может, не надо сейчас об этом? Вряд ли вашим гостям интересно, что вы обо мне думаете.

– А когда?! – она повысила голос. – Когда, Люда?! Когда ты наконец станешь нормальной женой?! Мой сын заслуживает лучшего! Никита такой... такой замечательный, такой умный, такой талантливый! А ты... ты его не ценишь! Не любишь! Не уважаешь!

Гости притихли. Кто-то отводил глаза, кто-то с интересом наблюдал за сценой.

– Мама любит папу, – тихо сказала Вика.

– Молчи, когда взрослые разговаривают! – оборвала её бабушка. – Ты ещё молодая, ничего не понимаешь! – Она снова повернулась ко мне. – Вот Танечка... Танечка была бы ему идеальной женой. Мы так мечтали, что наши дети поженятся, а тут появилась ты. Охомутала парня, родила. Хотя за это тебе спасибо, у меня самая лучшая внучка на свете. И Никитушка расстался с Таней. Правда, Рита?

Маргарита Павловна неловко кашлянула.

– Света, может, не стоит...

– Стоит! – Светлана Юрьевна стукнула рюмкой по столу.

– Я двадцать лет молчала! Хватит! Мой сын сейчас в Питере, работает, надрывается, а эта... эта сидит тут с кислой миной и портит мне праздник!

Что-то внутри меня щёлкнуло. Как тогда, утром, на кухне. Только теперь это было громче. Отчётливее.

– В Питере? – я слышала свой голос – странно спокойный. – Вы уверены, что он в Питере?

Светлана Юрьевна осеклась.

– Что?

– Я спрашиваю, – я медленно встала, – вы уверены, что ваш замечательный сын сейчас в Питере? На работе? Надрывается?

Таня смотрела прямо на меня, в глазах читалась мольба, молчать, ничего не говорить, но меня понесло, и я не могла остановиться.

Достала телефон.

– Светлана Юрьевна, – я подошла к ней ближе, так, чтобы она видела экран, – вот где сейчас ваш сын. Отдыхает с любовницей, в Турции. И ему всё равно на вас и на ваш день рождения.

Я включила видео.

На экране – Никита. Пляж, зонтики, синее море. Его рука на талии молодой блондинки. Они смеются. Он целует её в висок.

– Анталия, – сказала я. – Не Питер. Не командировка. Не работа.

ГЛАВА 5

Тишина за столом стала оглушительной, даже Лиза в шоке молчала.

Светлана Юрьевна смотрела на экран, и я видела, как меняется её лицо – от недоумения к неверию, от неверия к... к гримасе отчаяния и боли.

– Это... это неправда, – прошептала она. – Это монтаж. Подделка. Мой мальчик не мог так со мной поступить.

– Видео, Светлана Юрьевна. Снято вчера. Хотите, я включу звук? Там слышно, как он смеётся.

– Откуда... откуда ты это взяла?!

– Какая разница, откуда? – я убрала телефон. – Важно другое. Двадцать лет вы говорили мне, что я плохая жена. Что я не достойна вашего сына. Что Танечка была бы лучше. А ваш замечательный сын в это время...

– Замолчи! – Светлана Юрьевна вскочила, опрокинув рюмку. Коньяк растёкся по белой скатерти тёмным пятном. – Замолчи немедленно! Ты врёшь! Ты всё это подстроила! Ты...

– Я двадцать лет резала вам салаты, – сказала я. – Двадцать лет терпела унижения. Двадцать лет улыбалась, когда вы говорили гадости. И всё это время ваш сын мне изменял. Сначала с Таней, вашей любимицей. А теперь вот с этой, с Анной.

Я посмотрела на Таню. Она сидела бледная, вжавшись в стул.

– Да, Таня, спасибо за честность, – сказала я. – Правда, немного запоздалую.

– Мам... – Вика встала рядом со мной. Глаза у неё были красные. – Мам, поехали отсюда домой.

– Да, – я кивнула. – Поехали. Пора тебе вернуться домой, дочка.

Я повернулась к выходу. За спиной раздался голос Светланы Юрьевны – визгливый, срывающийся:

– Куда ты?! Ты мне праздник испортила! Уничтожила! Как ты посмела?! При гостях!.. Вика, Вика! А ты куда? Ты собираешься оставить меня одну?

Вика шла к выходу, не оборачиваясь. Я дошла до двери и обернулась.

– С днём рождения, Светлана Юрьевна. Надеюсь, палантин вам всё-таки пригодится. Хотя бы Лизе отдадите, как и планировали.

Мы с Викторией вышли из дома, не оглядываясь. Я остановилась. Посмотрела на дочь – взрослую, девятнадцатилетнюю, с моими глазами и его подбородком.

– Вика, я очень рада, что ты едешь домой. Я люблю тебя, дочка!

– Я тоже люблю тебя, мама, – она взяла меня под руку. – Никому не позволю больше тебя унижать. Пойдём. Через тридцать минут электричка.

Мы шли по пыльной дороге, и я чувствовала, как с каждым шагом что-то тяжёлое отпускает меня. Двадцать лет. Двадцать лет я тащила на себе этот груз – чужие ожидания, чужие обвинения, чужую нелюбовь.

Телефон завибрировал в кармане. Я посмотрела на экран. Никита.

– Не отвечай, – сказала Вика.

Я смотрела на мигающее имя. Потом нажала красную кнопку.

– Потом, – сказала я. – Всё потом. Сейчас – домой.

Наконец мы добрались до дома. Вика прошла в гостиную, села на диван и подтянула ноги к груди – точно так же, как делала в детстве, когда была чем-то расстроена.

– Мам, – она смотрела на меня исподлобья, – что ты намерена делать?

Я опустилась в кресло напротив.

– А сама ты как думаешь?

– Ты будешь разводиться?

Слово повисло в воздухе. Развод. Такое простое слово, всего три слога. А за ним – двадцать лет жизни, квартира, общие воспоминания, привычки, утренний кофе вдвоём.

– Буду.

– Мам, – Вика подалась вперёд, – ты правильно решила. Он тебе изменял. Не один раз.

– Вика, можно я побуду одна? Мне нужно подумать.

– О чём подумать? – в её голосе звучала злость. Не на ме-

ня – на него. – Он врал тебе. Врал бабушке. Врал всем. Пока ты резала эти дурацкие салаты, он загорает в Турции с какой-то...

— Вика.

– Что Вика?! – она вскочила с дивана. – Мам, я не понимаю тебя! Почему ты такая спокойная?! Почему ты не кричишь, не плачешь, не бьёшь посуду?!

Я посмотрела на неё – на свою дочь, такую взрослую и такую ещё юную.

– Потому что я ещё не осознала полностью, то, что произошло, – сказала я. – У меня шокковое состояние. Двадцать лет я глотала обиды от свекрови и делала вид, что всё нормально, верила, что несмотря ни на что твой отец меня любит. А он... он оказывается, все двадцать лет мне изменял с Таней. Понять не могу, зачем он на мне женился, если никогда не любил.

Вика села обратно. Помолчала.

– Ты его любишь?

Я задумалась. Люблю ли я Никиту? Того Никиту, за которого вышла замуж двадцать лет назад – молодого, весёлого, с горящими глазами? Или этого – который врёт мне в лицо и отдыхает с любовницей, пока я режу салаты для его матери?

– Я любила человека, которого, возможно, никогда не существовало, – сказала я наконец.

Телефон на столе завибрировал. Мы обе посмотрели на экран.

Никита.

Я не шевельнулась.

– Мам...

– Нет. Не сейчас.

Телефон замолчал. Потом завибрировал снова. И снова.

И снова.

– Он не успокоится, – сказала Вика.

– Пусть звонит.

– А если что-то важное?

Я рассмеялась – сухо, без веселья.

– Что может быть важного, Вик? Наверняка твоя бабушка ему уже позвонила и всё рассказала. А слушать его оправдания я не хочу.

Телефон замолчал. Прошла минута, две, три. Я уже начала думать, что он сдался, когда зазвонил телефон Вики.

Она посмотрела на экран. Потом на меня.

– Папа.

– Не отвечай.

– Мам, он будет звонить, пока я не возьму трубку. Ты же его знаешь.

Да. Я его знала. Или думала, что знала.

Вика нажала на зелёную кнопку.

– Да, папа!

Я слышала голос Никиты – приглушённый, неразборчивый. Но интонации угадывала безошибочно: сначала облегчение, потом тревога, потом раздражение.

– Да, пап, я дома. С мамой.

Пауза.

– Да, мы уехали с дачи.

Ещё пауза. Голос Никиты стал громче.

– Ах, бабушка позвонила! В слезах. Пап, я всё знаю, – сказала Вика, и её голос стал жёстче. – Не ври.

Тишина в трубке. Я видела, как Вика сжимает телефон – костяшки пальцев побелели.

– Нет, это не мамины выдумки. Я видела видео. Своими глазами. Ты на пляже. С ней. Голос Никиты снова – быстрый, сбивчивый. Он что-то объяснял, оправдывался.

– Пап, – Вика перебила его, – не надо. Просто не надо. Ты врал нам. Маме, бабушке, мне. Ты сказал, что летишь в Питер, а сам...

Она замолчала, слушая. Я видела, как меняется её лицо – от злости к чему-то похожему на боль.

– Нет, пап. Нет. Я не хочу это слушать. Мне всё равно, как давно это началось и почему. Мне всё равно, что у вас с мамой «сложный период». Ты ей изменял. Ты ей врал. Этого достаточно.

Никита что-то говорил – долго, настойчиво. Вика слушала, прикусив губу.

– Пап, – сказала она наконец, – ты хочешь, чтобы я тебя поняла? Хорошо. Тогда приезжай домой, и не через неделю, а как можно быстрее и объясни мне. Объясни, как ты мог смотреть маме в глаза и врать. Каждый день. Годами.

Пауза.

– Это не ответ, пап. «Так получилось» – это не ответ.

Ещё пауза.

– Нет, я не передам трубку маме. Она не хочет с тобой разговаривать. И я её понимаю.

Голос Никиты стал громче – я разобрала отдельные слова: «моя жена», «наша семья», «ты не понимаешь».

– Я не понимаю?! – Вика почти кричала. – Пап, мне двенадцать лет, не пять! Я прекрасно понимаю, что происходит! Ты завёл любовницу, уехал с ней отдыхать, а она в это время резала салаты для твоей матери и выслушивала, какая она плохая жена!

Никита что-то сказал, я не расслышала.

– Нет, пап. Я не поеду к бабушке. Я остаюсь с мамой, ей сейчас очень нужна моя любовь и поддержка.

Ещё слова – просительные, почти умоляющие.

– Пап, – голос Вики дрогнул, – ты мой отец. Я тебя люблю. Но сейчас... сейчас я не хочу больше с тобой разговаривать. Прилетай домой, сегодня.

Она помолчала, слушая.

Последние слова Никиты – короткие, отрывистые.

– Да, пап, пока.

Вика нажала отбой и положила телефон на стол. Руки у неё дрожали.

– Он сказал, что любит меня, – прошептала она. – Что любит тебя. Что всё можно исправить. Что он всё объяснит,

когда вернётся.

– Когда он возвращается?

– Ближайшим рейсом.

Я кивнула, ничего не сказав.

– Мам, – Вика пересела ко мне, взяла за руку, – ты точно в порядке?

Я посмотрела на неё. На свою дочь. Единственное, что было по-настоящему ценным в этом браке.

– Нет, – сказала я честно. – Нет, Вика. Я не в порядке. Но я возьму себя в руки.

ГЛАВА 6

Вика ушла в свою комнату – ту самую, которая два года пустовала после её переезда к бабушке. Я слышала, как она разговаривает по телефону с подругой, голос то повышается, то затихает. Рассказывает, наверное. Делится. Ей тоже нужно выговориться. А я сидела в кресле и смотрела в окно на вечеряющее небо. И воспоминания накатывали волнами – непрошенные, яркие, болезненные. Мы познакомились на дне рождения общего знакомого. Мне было двадцать два, я только окончила педагогический, получила распределение в школу на окраине Москвы. Никита был старше на три года, уже работал в проектном бюро, носил смешные очки в тонкой оправе и смеялся так заразительно, что я не могла отвести от него глаз. Он подошёл ко мне сам. Принёс бокал вина, сказал что-то остроумное – я даже не помню, что, помню только, как забилось сердце. Мы проговорили весь вечер. Он

проводил меня до дома, и у подъезда поцеловал – неловко, торопливо, словно боялся, что я исчезну.

Первые полгода были похожи на сказку. Цветы каждую пятницу. Записки в карманах пальто. Долгие прогулки по набережной, когда мы держались за руки и строили планы. Он говорил, что хочет большую семью. Трёх детей, может, четырёх. Дом за городом с садом. Собаку.

Я верила каждому слову.

Никита познакомил меня со своей матерью, спустя три месяца наших отношений, она невзлюбила меня с первой встречи. Светлана Юрьевна окинула меня взглядом, как оценщик в ломбарде, и поджала губы.

- Учительница? - спросила она. - И сколько же учителя зарабатывают?

Никита тогда засмеялся, обнял меня за плечи.

- Мам, перестань. Люда замечательная девушка. Ты обязательно её полюбишь.

Я тогда подумала: он меня защищает. Он на моей стороне.

Спустя ещё три месяца, мы поженились. Свадьба была скромной. Мои родители так и не смирились с моим выбором, но пришли - сидели в углу с каменными лицами и ушли сразу после торта. Родители Никиты, напротив, были везде: Светлана Юрьевна командовала официантами, его отец произносил длинные тосты, Лиза - тогда ещё подросток - снимала всё на камеру.

И Таня была там. Я помню её платье - нежно-голубое,

очень красивое. Она сидела за столом с родственниками Никиты и улыбалась мне той самой улыбкой - губами, но не глазами.

- Это подруга детства, - сказал Никита, когда я спросила.
- Мы выросли в одном дворе.

Подруга детства. Конечно.

Я была беременна уже на свадьбе, на втором месяце.

Когда я сказала Никите об этом, он обрадовался. Кружил меня по комнате, целовал, строил планы. Мальчик или девочка? Какое имя? Какой цвет для детской?

Светлана Юрьевна, узнав новость, поджала губы.

- Быстро вы, - сказала она. - Очень быстро. Специально это? Вы из-за этого женитесь?

Никита промолчал. Я ждала, что он что-то скажет, но он просто отвернулся к окну.

Тогда я списала это на усталость. Он много работал, возвращался поздно, часто раздражённый. Это нормально, говорила я себе. Молодая семья, первый ребёнок, финансовые трудности. Всё наладится.

Вика родилась в апреле, маленькая, крикливая, с тёмным пушком на голове. Я держала её на руках и думала: вот оно, счастье. Вот ради чего стоит жить.

Первые месяцы с младенцем были адом. Бессонные ночи, колики, бесконечные кормления. Никита помогал, как мог, но чаще всего его не было дома. Работа, говорил он. Срочный проект. Командировка.

Командировка.

Это слово преследовало меня все двадцать лет.

Я помню один вечер - Вике было около полугода. Никита вернулся поздно, от него пахло женскими духами. Я спросила, он сказал: коллега обнимала на прощание, у них день рождения в отделе.

Я поверила.

Или заставила себя поверить?

Оглядываясь назад, я вижу все знаки, которые тогда не замечала. Или не хотела замечать.

Телефон, который он всегда носил с собой, даже в душ. Задержки на работе, которые становились всё чаще. Запах чужих женских духов, который я списывала на общественный транспорт. Взгляды, которыми они обменивались с Таней на семейных праздниках - быстрые, почти незаметные.

А потом были выкидыши. Два, подряд, с разницей в год. После второго врач сказал: лучше не рисковать. Никита согласился слишком легко.

- Нам и Вики достаточно, - сказал он. - Одна дочь - это тоже семья.

Светлана Юрьевна думала иначе.

- Один ребёнок - это не семья, это недоразумение, - говорила она при каждом удобном случае. - Вот у Танечки уже двое.

Таня вышла замуж через полгода после нашей свадьбы. Я думала: ну вот, теперь она не будет появляться на семейных

праздниках у неё своя семья, дети, ей не до праздных посиделок.

Не тут то было. Появлялась, вместе с детьми и мужем, хотя, приходили они не часто, на день рождение свекрови и новый год. Её брак продлился четыре года. После развода она снова стала появляться на всех праздниках у Светланы Юрьевны. Одинокая, красивая, несчастная. Светлана Юрьевна, причитала, глядя на неё «Бедная Танечка, осталась одна, с двумя малышами погодками. Какой же Сергей у тебя подлец». Танечка на слова свекрови, тяжело вздохнула, подносила платок к сухим глазам и кивая соглашалась, что да, бросил её, такую замечательную и красивую.

Как я ничего не замечала? Как могла быть такой слепой?

Были и другие моменты. Звонки, на которые он не отвечал при мне. Выходные, когда он «ездил на рыбалку» с друзьями - и возвращался без единой рыбы, но отдохнувший, довольный. Командировки, которые часто выпадали на праздники и выходные.

Однажды - лет пять назад - я увидела их вместе. Случайно, в торговом центре, около нашего дома. Никита и Таня. Они шли рядом, не касаясь друг друга, но что-то в их движениях... синхронность какая-то, привычность.

Я вошла следом, стараясь, чтобы они меня не заметили и смотрела, как они заходят в кафе. Как садиться за столик в углу. Как он наклоняется к ней, что-то говорит, и она смеётся. Убедив себя, что это ничего не значит, они друзья дет-

ства, просто встретились, решили поболтать, я отправилась домой, готовить ужин.

В тот день Никита пришёл домой около девяти вечера, я, спросив его о том, как прошёл день, думала он расскажет о встрече с Таней, но он промолчал. Отделался банальными фразами, что на работе запара, он устал и единственное его желание, поскорее принять душ и лечь спать.

Двадцать лет. Двадцать лет жизни рядом с человеком, которого, выходит, я совсем не знала. Двадцать лет я строила семью, которая была иллюзией. Двадцать лет я верила в счастье, которого не существовало.

Или существовало - но только для меня?

Я встала с кресла и подошла к окну. На улице уже темнело. Где-то там, в Анталии, Никита сейчас, наверное, собирает чемодан. Или объясняется с Анной. Или придумывает, что скажет мне.

А я стояла в квартире, которую мы купили в ипотеку пятнадцать лет назад, и пыталась понять: было ли хоть что-то настоящим?

Вика. Вика была настоящей. Наша дочь, наша любовь к ней - это было настоящим.

А остальное...

Телефон снова завибрировал. Я посмотрела на экран.

Сообщение от Никиты: «Люда, я знаю, ты не хочешь разговаривать. Но пожалуйста, дождись меня. Не делай глупости».

Я перечитала эти слова. Раз, другой, третий.

Потом положила телефон на стол экраном вниз.

«Не делай глупости» - написал человек, который двадцать лет мне изменял.

И я, кажется, всё ещё хотела ему поверить. Где-то глубоко внутри, несмотря на видео, несмотря на всё - я всё ещё хотела, чтобы это оказалось ошибкой. Недоразумением. Злой шуткой.

Но это была не шутка. Это была моя жизнь.

В дверях появилась Вика.

- Мам, я заварила чай. Будешь?

Я обернулась к дочери.

- Буду, - сказала я. - Спасибо, солнышко.

Мы сидели на кухне, пили чай и молчали. За окном совсем стемнело. Где-то внизу проехала машина, мелькнули фары.

- Мам, - сказала Вика, - ты справишься. Мы справимся.

Я посмотрела на неё - на мою взрослую дочь, которая держала меня за руку, как когда-то я держала её.

- Справимся, - сказала я. - Мы обязательно справимся.

ГЛАВА 7

Я легла в постель около полуночи. Вика уснула в своей комнате - слышала, как затихли её шаги, а я лежала в темноте, смотрела в потолок и не могла заснуть.

Постель казалась слишком большой. Слишком пустой. Двадцать лет я засыпала рядом с ним - чувствовала его теп-

ло, слышала дыхание. А теперь...

Теперь я знала, что всё это время он думал о другой. О других.

Волна отчаяния накрыла меня внезапно.

Я вспомнила, как он целовал меня перед сном. Каждый вечер, двадцать лет - лёгкий поцелуй в лоб, «спокойной ночи, милая». Я думала, это любовь. Я думала, это наш ритуал, наша близость.

А он в это время... что? Вспоминал её губы? Считал дни до следующей встречи? Планировал очередную «командировку»?

Я перевернулась на бок, скрутилась в клубок. Горло сжало так, что стало трудно дышать.

Не плакать. Не плакать. Он не заслуживает моих слёз.

Но слёзы не слушались. Они текли сами – горячие, злые, беспомощные. Я уткнулась лицом в подушку и зарыдала – впервые за весь этот безумный день. Зарыдала так, как не плакала, наверное, с детства: навзрыд, вздрагивая всем телом, захлёбываясь воздухом.

Двадцать лет.

Двадцать лет я была дурой.

Двадцать лет я верила каждому его слову. «Люблю тебя». «Ты моя единственная». «Мы справимся». «Всё будет хорошо».

Ложь. Всё ложь. Каждое слово, каждый взгляд, каждое прикосновение - ложь.

Я села на кровати, обхватив колени руками. Трясло так, что стучали зубы.

Перед глазами стояло это видео. Пляж. Зонтики. Его рука на её талии. Улыбка - та самая улыбка, которую я считала своей. Он улыбался ей так, как когда-то улыбался мне. Или нет - он никогда не улыбался мне так. Я просто не знала, что он может так улыбаться.

Господи, как больно. Как невыносимо больно.

Я вскочила с кровати. Ходила по комнате - из угла в угол, как зверь в клетке. Сердце колотилось где-то в горле, руки тряслись.

На комодѣ стояла наша свадебная фотография в стеклянной рамке. Я схватила её, поднесла к глазам.

Вот мы - молодые, счастливые, влюблённые. Я в белом платье, он в костюме. Мы смеёмся. Мы держимся за руки. Мы верим, что впереди - целая жизнь.

Целая жизнь лжи.

Я размахнулась и швырнула рамку в стену.

Стекло разлетелось с оглушительным звоном. Осколки брызнули на пол, на кровать, на мои босые ноги. Боль - острая, короткая - прошила ступню.

Я смотрела на разбитую фотографию, и внутри меня что-то рвалось - с таким же хрустом, с таким же звоном.

- Сволочь, - прошептала я. - Какая же ты сволочь.

Голос не слушался. Я попробовала ещё раз - громче:

- Сволочь!

И ещё:

- Ненавижу! Ненавижу тебя!

Я кричала - в темноту комнаты, в никуда. Кричала так, как никогда не позволяла себе кричать. Все эти годы я была хорошей женой: тихой, терпеливой, понимающей. Глотала обиды, улыбалась сквозь слёзы, делала вид, что всё нормально.

Хватит.

Хватит!

Я схватила с комода его бритвенный набор - дорогой, в кожаном футляре, мой подарок на годовщину - и швырнула в угол. Схватила его рубашку, которую он забыл на спинке стула, - и рванула, а затем рвала изо всех сил, пока ткань не затрещала.

- Двадцать лет! - кричала я, разрывая рубашку на полосы.
- Двадцать лет я тебе верила! Двадцать лет я терпела твою мать! Двадцать лет я ждала тебя с работы! А ты... ты...

Слова кончились. Остался только крик - животный, нечеловеческий.

Дверь распахнулась.

- Мама!

Вика стояла на пороге в пижаме, с испуганным лицом.

- Мама, что случилось? Я слышала...

Она увидела разбитое стекло. Порванную рубашку. Меня - босую, с окровавленной ногой, с мокрым от слёз лицом.

- Мамочка..., ты поранилась.

Она бросилась ко мне, обняла - крепко, как в детстве, только теперь она была выше меня на полголовы.

Я обмякла в её руках. Колени подогнулись, и мы вместе опустились на пол - прямо на осколки, на обрывки ткани.

- Мамочка, всё будет хорошо, - шептала Вика, глядя меня по голове. - Всё будет хорошо. Я с тобой. Я никуда не уйду.

Я плакала и не могла остановиться. Плакала обо всём сразу: о потерянных годах, о преданной любви, о себе - той глупой девочке, которая верила, что её сказка будет со счастливым концом.

- Я его ненавижу, - прохрипела я сквозь слёзы. - Вика, я его ненавижу. Как он мог? Как он мог так со мной?

- Не знаю мама. Не знаю, я всё ещё не могу поверить, что он мог так подло поступить с тобой.

- Я ему всё отдала. Всю себя. Каждый день, каждую минуту. Я жила ради него, ради нашей семьи. А он...

Голос сорвался.

- Он никогда меня не любил, - прошептала я. - Никогда. Я была просто... удобной. Та, которая всегда рядом. Та, которая готовит ужин и режет салаты. Та, которая не задаёт вопросов.

- Мама, не надо...

- Надо! - я отстранилась, посмотрела дочери в глаза. - Надо, Вика. Надо это сказать вслух. Двадцать лет я молчала. Двадцать лет я уговаривала себя, что всё нормально. Что это я придумываю. Что он меня любит, просто по-своему. А он...

он просто использовал меня. Как вещь. Как мебель.

Злость возвращалась - новая, холодная, острая.

- Знаешь, что самое страшное? - я вытерла слёзы. - Я бы так и не узнала. Если бы не Таня, я бы так и жила дальше. Резала бы салаты. Улыбалась бы его матери. Ждала бы с работы.

Я засмеялась - хрипло, невесело.

- А он бы продолжал жить на два дома. На три. На сколько угодно. И я бы ни о чём не догадывалась. Потому что я идиотка. Слепая, глухая идиотка.

- Мам, ты не идиотка. Ты просто... ты просто любила его и верила ему.

- Любила. - Слово прозвучало как приговор. - Любила человека, которого не существовало. Он всегда носил маску, Вика. Которую надевал для меня. А под ней...

Я замолчала.

Под ней был незнакомец. Чужой человек, который двадцать лет спал в моей постели, ел мою еду, целовал меня перед сном - и всё это время врал.

Каждый божий день - врал.

- Я хочу, чтобы он сдох, - сказала я, и сама испугалась своих слов. - Вика, я правда хочу, чтобы он сдох. Это ужасно, да? Это делает меня плохим человеком?

- Нет, мам. Это не делает тебя плохим человеком.

Вика помогла мне подняться. Усадила на кровать, принесла аптечку, обработала порез на ноге.

- Неглубокий, - сказала она. - Быстро заживёт.

Я смотрела, как она заклеивает ранку пластырем, и думала: вот она, моя дочь. Моя взрослая дочь, которая сейчас заботится обо мне, как я когда-то заботилась о ней.

Единственное, что было настоящим в этом браке.

- Вик, - сказала я, - спасибо.

- За что?

- За поддержку, за то, что ты есть.

Она подняла голову, посмотрела на меня - и я увидела в её глазах слёзы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.